

ЭТО ХУДОЖНИКАМ заповедано — не отличать поражение от победы. Нашему брату критику такая надмирность не по чину. И все же раздача баллов, сакраментальное «нравится — не нравится» грозит обернуться обыкновенной пошлостью, когда речь идет о картинах, подобных новой работе Романа Балаяна «Две луны, три солнца». Здесь слишком много от реальной драмы нашей жизни, неотрефлексированной и даже толком не описанной, чтобы предъявить эстетический счет и этим ограничиться. Ничего не стоит доказать несостоятельность фильма, столкнув его содержательный пласт — умозрительно-рациональный — с эстетским стилистическим кодом. Но велика ли доблесть?

Просчеты очевидны, картина беззащитна. Драматургический ход, предложенный сценаристкой Мариной Мареевой, слишком литературен, слишком условен, чтобы быть адекватным материалу реальности. Настолько страшной и неудобной, что она легко вытесняется из сознания тех, кого миновала чаша сия —

ния не случилось. Он рожден для «фильма мужского действия» и потому так хорош в «Воре» у Павла Чухрая. Рефлексия же и душевные борения разбиваются о его несокрушимую плоть, как волны об утес. Очки в тонкой оправе, чисто советский знак интеллигентности, скорее рожают комический эффект.

Машков, однако, ни в чем не виноват. Только безумец может отказаться от главной роли у такого режиссера, как Балаян. Да и Балаян не виноват, что ошибся в выборе актера. Он оказался в сложнейшей ситуации, потому что впервые в жизни осознанно делал картину о своей личной драме. В «Полетах...» можно было спрятаться в тени героя-протагониста. Хотя бы потому, что герой оказался самодостаточным настолько, что воспринимался отдельно от режиссера-демиурга.

В новой картине на авансцене оказывается автор-режиссер. Никто из персонажей его не переиграл, не стянул одеяло на себя. И потому не о героях речь, а об авторе, чья личная судьба продиктовала сюжет.

Роман Балаян по рождению армянин из Нагорного Карабаха, осевший в Киеве, где никто не мешал ему делать русское мета-

ний, но чутье ему не изменяет. Сквозь схему сюжета пробивается воспаленный вопрос: что же определяет человека — кровь или культура? Мераб Мамардашвили завещал нам помнить: истина выше патриотизма. Герой и автор пытаются истину постичь, пробиваясь сквозь чувство вины. Вот почему девушку, почти блаженную, что приютила Алексея, соседку того самого офицера-наемника, зовут Вера (ее играет Елена Шевченко). Вера — она и есть сама истина. Для этой души уж точно нет ни эллина, ни иудея, какая бы политическая погода ни стояла на дворе. Образ типологический, индивидуальности лишенный, но главный в идеологической системе фильма. Вера, на которую все соседи обычно бросают своих неприсмотренных детей, становится заложницей и жертвой той безысходной коллизии, в которую попадает герой. Она толком и не знает, в чем дело. Но генетическая программа русской страстотерпицы — спасать, вызволять и входить в горящую избу — работает без сбоев. И когда Алексею грозит опасность, она оказывается в нужном месте в нужное время. Чтобы предупредить. Он-то жив-невредим, а ее сбивает машина. Случайно. На

ПО ВЕРЕ ВАШЕЙ И БУДЕТ ВАМ...

«Две луны, три солнца» Романа Балаяна как гражданский поступок

Мераб Мамардашвили, 1998. — Записки, — с. 7

быть сегодня, сейчас, солдатом гражданской войны или, не дай бог, солдатской матерью.

Балаян долго собирался, чтобы выстраданно и сокровенно высказать вещь в общем-то тривиальную, но почему-то нашим обществом упорно отвергаемую. О том, что гражданская война идет не только на окраинах бывшей империи. О том, что война эта — тотальная, и давно вошла в каждый дом, будь то в центре или в провинции. Вошла невидимкой — как нейтронное оружие. Крутом вроде все цело, а души изранены и убиты. И нет выхода из дурной бесконечности братоубийства...

Потому и герой фильма — столичный житель, москвич с Таганки, и действие развертывается не в какой-то условной местности, как нынче принято, а в самом сердце некогда могучей страны, на ее узнаваемых улицах и в анонимных спальных районах. Синие горы Кавказа присутствуют, но в виде витража в изысканной и не бедной гарсоньерке героя — археолога, без пяти минут доктора наук, как бы намекая, что интеллигентскому сознанию слабо представить воспетый классиками экзотический край местом кровавых разборок олигархии, дерущейся за власть и за нефть. Однако это лишь обертон, навеянный злобой дня. Кавказ — прародина героя, рожденного русской матерью и неким «лицом кавказской национальности». Какой именно — не уточняется. Ясно только одно: покойный был мусульманином, а сыновья его — Алексей и Аслан — выросли вне веры и исповедания. Как и весь советский народ. Но когда Родина-мать в очередной раз позвала своих сыновей, Аслан оказался по ту сторону.

Прописные истины остаются общим местом, пока не становятся однажды твоим личным переживанием. Фактом твоей биографии. Тогда их называют откровением. Именно это происходит с Алексеем. Его налаженная научная карьера и вполне комфортная жизнь далекого от политики ученого внезапно обрываются известием о мученической гибели Аслана. Алексей вынужден все бросить и — против своей воли и совести — стать мстителем за брата.

Пейзаж человеческой души, разъятой гражданской войной и потерявшей идентичность — уже одно это создает локус огромного нравственного напряжения. Даже вопреки тому, что притчевый сюжет норвит соскочить в психологический триллер и конвертировать в жанр попытку рефлексии героя и саморефлексии автора.

Алексей — протагонист режиссера. Ему он поручает свое самое-самое, как когда-то герою «Полетов во сне и наяву». И автоцитаты из культового фильма 80-х — я насчитала четыре — не что иное, как авторская попытка пустить наше воображение по следу той картины. Пронзительный и бесконечно печальный жест. Флешбеки ведут свою лирическую мелодию: где, как было, и все не так. Герой гонит ногой смятую жестянку, обходя съемочную площадку, перегородившую улицу. Точно так же, как герой «Полетов»... Но Сергей Макаров не рефлексировал. Он был воплощенным состоянием Времени, героем-медиатором. У него не было проблемы выбора. Алексей, напротив, поставлен в хрестоматийную экзистенциальную позицию. Он должен выбрать ни больше ни меньше как самого себя. Выбрать символ веры хотя бы для самооправдания. Завет «не убий» ему ближе, чем «кровь за кровь». Что такое иметь кровника — он не знает. И знать не хочет. Но куда не деться от другого знания: его брат погиб мученически, заживо закопанный в землю русским офицером-наемником. Имя убийцы, который живет в Москве, известно.

На роль Сергея Макарова нашелся конгениальный исполнитель — Олег Янковский. С Владимиром Машковым такого попада-

физическое кино. Он снял пять экранизаций русской классики, начав с чеховской «Каштанки». Карабахский конфликт, в который мы не слишком вникаем, стоил жизни его брату Валерию, которому и посвящена картина. Гибель брата и распад Союза, два сопряженных события, судя по всему, стали для Романа Балаяна глубокой травмой, настолько изменившей его мироощущение, что он впервые за всю свою творческую жизнь решился на концептуальное высказывание идеологического толка. При том что концепция и идеи вовсе не та художественная стихия, где он чувствует себя в своей тарелке. Ведь он художник-интуитивист, и это про него сказано: «Чем случайней, тем вернее». Взвисься за «Две луны, три солнца», Балаян решился на гражданский поступок, и было бы грехом и заблуждением такое не оценить. Как художник, он неважно себя чувствует на чуждой ему почве умозре-

войне как на войне. Смерть всегда метит в невинных. Палач чует жертву за три версты.

Балаян впервые что-то очень важное понял про женщину — вообще-то он мужской режиссер. И самым сильным впечатлением от фильма лично для меня был чисто мужской эпизод. Два омонивца, завидев «лицо кавказской национальности» (в этой эпизодической роли снялся замечательный украинский актер Константин Степанков), не отказали себе в удовольствии «проверить документы». Само собой, дело кончилось кровавым мордобоем и арестом кавказца. Что и вынудило Алексея выйти на тропу войны. Но это — в фильме. Я же хочу — про жизнь.

Когда в метро стражи порядка, молчаливые и торжественные, будто служители эзотерического культа, отводят в сторонку, к стеночке, какое-нибудь «лицо», я всегда испытываю острый приступ беззащитности. ■